

Его ребёнок

Маша забеременела рано, ей не было ещё и восемнадцати лет. Серёжка ходил по округе грудь колесом. Я отец. В восемнадцать какой там отец. Родители новоиспечённого мужа не были довольны ни городской невестой, которая забеременела, приехав после выпускного к бабушке на летние каникулы, ни скорой женитьбой. Свадьбу сыграли сразу же осенью, позвав больше соседей, чем родственников.

С Машиной стороны бабка из деревни неподалёку приехала, родители и городская подружка. С Серёжкиной — родители, дядя с тётёй, куча дружков и ближайшие соседи. Вот и вся свадьба. Под яблоней накрыли столы. Просто и по-деревенски. Орала до утра и пили настойку собственного производства, закусывая яблоками, которые срывали прямо с дерева.

Маша всего этого немного сторонилась. Она привыкла к спокойным застольям с одной бутылкой вина на пятерых взрослых, под разговоры о походах в театр и на выставки. В диковинку ей были сенокос, полная стайка скота, тяжёлый труд, ежедневное приготовление еды огромными кастрюлями. Теперь на её хрупкие плечи легли ещё и заботы о плачущем кульке.

Хоронить Машу пришли тем же составом через полтора года. Серёжка стоял чуть поодаль и держал всё так же орущую подросткую дочь, не зная, что ему делать. Первое время мать снова взяла на себя обязанности по дому, растила внучку, везде таская за собой.

— Соня-засоня, давай ножками быстрее перебирай, — подталкивала легко коленкой засмотревшуюся внучку бабушка. Вёдра с водой, привыкшие к определённом ритму, застывали на секунду в воздухе и выплёскивали воду на тропинку и в калоши бабушке.

— Ить ты, — бормотала мать Сергея, пытаясь поторапливать двухлетнюю девочку.

— Вера Ивановна, давайте с вёдрами помогу, — обогнав женщину, предложила девушка.

— Яна, я тебя не узнала. В гости к родителям приехала? — поинтересовалась женщина, — ты лучше Сою поторопи, не могу с ней в ногу идти, вода плещется.

— Всё, выучилась, вернулась домой, — прищуриваясь от яркого солнца, ответила девушка.

— Серёжина дочка? — спросила она, подхватывая малышку на руки.

— Ага, — подтвердила Вера Ивановна, мельком взглянув на Янины ноги. Спрашивать неудобно было, но что девушка хромая с детства, видно не было.

— А я вот обувь на заказ себе шью, даже не заметно, — будто отвечая на немой вопрос, опередила Яна.

— Молодец. Замуж вышла? — поинтересовалась Вера Ивановна, чтобы поддержать разговор, но после пожалела, что спросила. Хромоногую девчущку даже со смазливим личиком возьмут в жёны в последнюю очередь. В Яне всё было складно, даже характер и трудолюбие, а физическая особенность подкачала.

— Не вышла. Да и рано мне.

— Ну да, ну да. Мой младший вон женился так рано, теперь я внучку тяну. Соню-засоню.

— Хорошенькая малышка, — ответила Яна.

— Будет время, ты забеги ко мне. Три рулона ткани лежат, может тебе пригодятся, отдам недорого.

— Забегу, Вера Ивановна, — спуская с рук девчонку, обещала Яна.

Малышка захныкала, как только её спустили на землю, заупрямилась и села в траву.

— Говорю же, Соня-засоня, — посетовала женщина.

Яна снова взяла девочку на руки и погладила по голове.

— Руки любит она, маленькая совсем. Без ласки тяжело.

— Конечно, тяжело. А мне когда её таскать — всё хозяйство на мне. Посажу её за загородку и играет она там.

* * *

И закрутилось всё, замоталось в один клубок. Уже и не вспомнить, как так получилось, что стала частенько Яна заглядывать к Селивёрстовым.

— Няня, Няня, — звала девушку Соня.

— Ты присмотришься к Яне, — шептала при возможности Вера Ивановна сыну. — Дочка вон как к ней тянется. Вчера «мамой» назвала, у меня аж слёзы на глазах выступили. Девка хорошая, работающая, красивая.

— Хромая она, мам, — парировал Сергей.

— Да знаю я, что хромая. Только тебе жена нужна, а Соньке мать. Заставлять не буду, но и долго во вдовцах засиживаться смысла нет. Жизнь она как птичка, вспорхнула и нет её уже.

Сергей недолго думал, в конце следующей недели проводил домой Яну, а через месяц предложение сделал.

Мать Яны сразу согласилась. А Яна засомневалась.

— Ребёнок у него.

— И что? Его же ребёнок.

— Его. Но одно дело играть с чужим ребёнком, а другое любить и ответственность за него нести всю жизнь. Замуж за Сергея выходить — это не только за него, — за него и дочь его.

— Девочка только тебя матерью называет, никого другого не принимает даже. А ты? Зачем ребёнку надежду давала? Да и кто тебя больше замуж-то возьмёт?

— Мам!

— Что мам? Радоваться надо, что Сергей в жёны берёт.

Сергей Яне нравился. Но Соню она не любила так, как хотела. И этой нелюбви больше всего боялась. Сергей же требовал ответа. И эта ситуация, накалившись до предела, разрешилась только к осени.

Яна собрала вещи и уехала работать в город. Сергей тоже весь ушёл в работу: сбор урожая, ремонт трактора и заботы по дому. А Соня скучала. Её раньше вздёруный носик опустился, а радостный голосок умолк.

* * *

Яна шла по тропинке вдоль реки, сняв платок и методично им размахивая. Мошкара и комарьё вились рядом, не давая вдоволь надышаться родным воздухом. Проработав до весны, Яна уволилась и поехала домой на лето. Летом много работы и дома родители пожилые, требующие не только внимания, но и помощи.

— Ма-ма! — услышала Яна и обернулась.

На противоположной стороне реки с вершины небольшого склона сбегала Соня. Её звонкий голос эхом расстился по всему пространству и огибал берега.

— Стой! — закричала Яна, понимая, что Соня сейчас упадёт.

Но девочка бежала вперёд. Неширокая и мелкая речушка разделяла их. Добежав до края, Соня резко оста-

новилась, замахала в воздухе руками и не удержалась и полетела вперёд. Яна уже снимала сапоги и куртку.

— Куда же ты, девочка! Куда тебя несёт, — дохромав до своего берега, приговаривала себе под нос Яна. Она не останавливаясь, прыгнула в воду.

Наверху уже очень близко кричал Сергей, потерявший Соню.

— Вот зачем прыгнула, дурёха? А если бы разбилась? — рыдая, ругала Яна девочку, завернув в свою куртку и выжимая её вещи.

— Мам, а ты не уйдёшь больше? — обнимая Яну, рыдала вместе с ней девочка.

— Отец хворостину возьмёт и нас с тобой накажет, что ты в холодную воду упала.

Яна посмотрела на тот берег и крикнула мужчине:

— Всё хорошо, до моста иди.

Рядом с мужчиной вдруг возникла женщина. Из-за слёз и волнения Яна не поняла, кто она. По дороге к мостику девушка не выдержала и спросила у девочки:

— А кто это с папой и с тобой гулял?

— Полька! — зло ответила Соня и плюнула на дорогу.

— Соня, ну что за манеры.

— Так дедушка говорит, когда видит тётю Полю, — радостным голосом ответила девочка, — оставили меня на поляне, а сами пошли берёзовый сок собирать.

— Ясно, — кивнула Яна, — знаем мы тётю Полю, знаем.

Полина работала в кафе «У развилки» и была известна не только Яне, но и всему мужскому населению деревни, а посему и женскому.

— Принимай беглянку, — протягивая руку, в которой была зажата маленькая ручонка, Яна замялась.

— Вернулась? — спросил Сергей.

- Огород надо растить, некому больше.
- Вещи давай, Соня пойдёт сама, — отрезал Сергей, — куртку держи, в свою заверну.
- А... Полина где? — оборачиваясь, спросила Яна.
- Вдвоём мы были с Соней, показалось тебе, — ответил Сергей.
- А, ну да, ну да, — ответила Яна.
- Всю дорогу Яна с Сергеем молчали. Каждому из них хотелось что-то сказать другому. Но молчание никто нарушать не смел. Так и дошли до дома Селивёрстовых.
- Соня, иди домой, я тётю Яну провожу, сумки донесу.
- Шли намеренно медленно.
- Не холодно тебе? Ты же мокрая, — опомнился Сергей.
- Ничего, главное с Соней всё хорошо, я почти выхохла. Как думаешь, не заболит?
- Мать мне твоя сказала, что ты из-за Сони не пошла за меня, — перевёл разговор Сергей.
- Яна опустила голову.
- Так?
- Так, — подтвердила Яна.
- Дети всё чувствуют. Лучше нас, взрослых. Ни к кому так дочь не относилась и не относится, как к тебе. Значит, ты с ней искренна. А это ли не любовь? Вот сейчас шли. Тебя за руку держала, не меня.
- Соскучилась, — сделала вывод Яна.
- Я настаивать не буду, но знай, сейчас тебя увидел на том берегу и как Сонька — хотел сигануть с берега.
- Что же не сиганул? — Яна посмотрела на него своими карими глазами.
- Думаешь, я из-за Сони? И из-за неё, и из-за себя.
- А хочешь, я дочь с родителями оставляю и поеду в город жить? Сами. — Сергей остановился и даже ошалел от такой своей решимости.

- Нет, ты что, как мы Сою бросим. Нет.
— Ладно, а то мне тоже без Соньки плохо. Ну, вот и договорились. Да?
— Да.

* * *

Свадьбу играть не стали. Расписались тихо-мирно. Но платье белое у невесты было. Будущий муж даже туфли специальные заказал. Пусть Яна один день, но чувствует себя королевой. Родители, свидетели — всё как положено. И Сонечка в пышном розовом платье.

Через два года родился Павлик.

Соня с отцом пришли в больницу забирать Яну с малышом, и девочка подошла к пеленальному столику. Она аккуратно попыталась вытянуть согнутые ножки, пока медперсонал перебирал пелёнки, и, повернувшись к Яне, радостно сообщила:

— Одинаковые!

Яна, улыбаясь, кивнула.

Сапоги

— Сидит твой папка! — орал тринадцатилетний Сенька, широко расставив свои руки и нависая над первоклассником Лёнкой.

Лёнка, краснея, злился ещё больше. Он не придумал ничего лучше, как разбежаться и головой ударить Сеньку в живот.

Сенька от неожиданности упал и стал ныть.

— У-у-у, ду-рак. Твоя мать моей сама рассказывала, я подслушал. Ещё полгода осталось отбывать.

Лёнка взял огромные кирзовые сапоги в руки и бо-сиком пошёл домой.

* * *

С утра лил дождь, наполняя ямки и скапливаясь в огромных лужах. За мокрые школьные сапоги Лёне попало бы от матери, и мальчик поставил стул в коридоре и достал из шкафа отцовы кирзовые сапоги.

Когда отец уходил в последний раз, в коридоре почему-то было многолюдно. Мать прикрыла дверь, чтобы мальчик не видел того, что происходит. А Лёнка подглядывал в маленькую щель. Отец ушёл с мужчинами в милицейской форме, а старые сапоги остались в коридоре. Мать убрала их далеко в шкаф, не выбросила.

В сапогах было невероятно удобно бороздить разливающиеся лужи. Первые две. Потом сапоги словно губка стали быстро впитывать влагу. Лёнька выскочил на сухое место и принялся снимать сапог, выливая воду.

— Чего это ты вырядился, сапоги старые нацепил? — поинтересовался у Лёньки сосед Сенька.

— Папкины это сапоги, ему на севере они не нужны, вот и оставил дома, мне носить.

— Ха-ха, какой север, зэк твой папка.

— Чего? — Лёнька смешно уткнул руки в бока.

— Сидит, говорю.

— Полярник! — заорал Лёнька.

— Вор! — ответил ему Сенька.

* * *

Вернувшаяся с работы мать наступила в образовавшуюся в коридоре лужу и громко позвала сына:

— Лё-ё-ёнь.

— Чего, мам?

— Это я хочу спросить, чего? Собаку, что ли, притащил?

— Нет, я в папкиных сапогах на улицу ходил, промокли.

Татьяна смягчила суровое выражение лица, а Леонид пошёл в ванную комнату за тряпкой.

— Вытру, сапоги высушу, — сообщил он и также, между прочим, спросил, — отец в тюрьме?

— Чего удумал, — мать обулась и схватила сапоги, — выкинем, делов-то.

— Нет! — Лёнька вцепился в сапоги, — это папкины, нельзя. Вернётся, а обувь нечего.

Мать прижала сына к себе так сильно, как смогла, и держала, чтобы он не видел слёз, поглаживая по голове. Недели две назад Таня получила от мужа письмо

о том, что он освобождён досрочно, но домой не вернётся. Развод даст. Просит простить и начать жить заново. Как устроится, сразу будет посылать сыну деньги.

Таня все эти две недели ходила сама не своя, не зная, куда себя деть. Ведь ждала, письма писала. Ездила даже несколько раз. Но на письма не отвечал, на встречи не приходил. Стыдно было, подвёл себя, семью. Лёгкие деньги поманили. Решил, что без него Таня сможет начать жить с чистого листа. Не учёл, что городок маленький, всё все о друг друге знают.

— Задушишь, мам, — выворачивался сын, догадавшись, что мать скрывает правду. — А сапоги оставь, пригодятся.

* * *

Серые, хмурые дни стали сменяться морозными. Временами шёл белый снег, долетал до земли и таял или смешивался с грязью и становился одного с нею цвета.

Во дворе у Лёнькиного дома всё так же не смолкали ребячьи голоса. Детвора играла в футбол и казаков-разбойников, строила из найденных досок убежище.

— Лё-ё-ё-ень-ка, — заорал мальчишка из первой квартиры, забегая во двор с огромной палкой. Палка мешала бежать быстро, и он её бросил, устремившись в кучу ребятни, разыскивая глазами нужного мальчишка. — Папка приехал, беги, идёт к арке.

У Лёньки от неожиданной вести подкосились ноги, бежал он, как ему казалось медленно, едва передвигая ватными ногами.

В арке действительно шёл высокий мужчина, такой же жгучий брюнет с чёрными глазами, как у Лёньки.

— Папка, папка, — тихонько шептал Лёнька. Отца он помнил плохо. Последний раз он видел его в три с половиной года. На фотографиях тот стоял далеко,

даже на свадебных фотографиях отец везде получился размыто. Но подбежав, Лёнька понял, что это не отец. Это Виктор, брат матери.

Мужчина улыбался так широко и радостно, протягивая руки, явно узнав племянника, что Лёнька, не думая, упал в его объятия.

Мальчишки, бросившиеся к арке за Лёнькой, остановились чуть поодаль.

— Привет, родной! — мужчина крепко обнимал мальчишку.

— Смотри, что привёз! — и дядя вытащил из огромного рюкзака клык медведя на кожаном шнурке, — держи! — и Виктор торжественно повесил сувенир на шею мальчику.

Ребята тут же обступили Лёньку, охая и ухая. Улюлюканье перешло в восторженные возгласы, когда дядя из большого рюкзака достал маленькие унты с бело-серым мехом.

Лёнька прижал подарок к себе и сжал губы, чтобы не расплакаться. С этого времени во дворе каждый день ребята просили Лёньку дать потрогать клык и унты, когда тот выходил гулять. Унты Лёнька носил и на следующий год, уже без шерстяного носка, который и не был нужен. Правда, в конце зимы пришлось подгибать пальцы, да и мех выглядел не таким уже и белым, но это не смущало мальчика.

Дома пили чай с вареньем из морошки, долго сидели на кухне, и когда разгорячённый Лёнька стал клевать носом, его отправили спать.

— Большеваты унты, вернись на север, давай меньше размером отправлю, — сетовал Виктор.

Таня замахала руками:

— Не надо, с шерстяным носком хорошо будут, да и зима только начинается, ножка подрастёт.

— Сама как? — брат пристально посмотрел на сестру. Она опустила глаза, чтобы не выдать намернувшихся слёз. Виктор приехал специально, взял недельный отпуск и прилетел.

— Ничего, — Виктор чуть тронул её за плечо, — я всегда помогал и теперь не оставляю, получаю достаточно, на две семьи хватит, не волнуйся.

— Спасибо тебе, ты всегда меня выручаешь, — ответила сестра и разрыдалась.

* * *

Через двадцать лет, разбирая на дачном чердаке залежи хлама, Леонид нашёл чемодан, в котором лежали старые отцовские кирзовые сапоги и маленькие унты. Унты он вынул и слегка встряхнул. Старые сапоги засунул в мешок, чтобы потом выкинуть вместе с мусором. Выкинуть вместе с воспоминаниями об отце, который так больше и не появился в его жизни.

— Ребятишкам понравятся сапожки, помнишь, мне дядя Витя привёз? — спустившись, Леонид подал сапоги матери.

— Помню, Лёничка, тёплые унты, теперь такие не шьют. Слушай, и клык ведь где-то лежит, я его приберегла.

— Да? Надо поискать, счастливые были времена. Ты и я, правда же?

— Правда, сыночек, правда.

Жена с помойки

— Сходил бы куда-нибудь, с отцом на рыбалку съездил, что целыми днями дома валяться?

— Я не валяюсь, вчера окна помыл.

— Вижу. Я уже давно хотела тебе шторы постирать да окна помыть, а ты сам. Это, правда, сыночек, хорошо. Но и в четырёх стенах себя закрывать не нужно. Тебе сорок пять! — мать открыла холодильник и поставила на полку контейнеры с малосолевыми огурцами и холодцом.

— Сорок пять! — повторил с грустью сын.

— Ещё и жениться можно, детей нарожать. Внуков хочу.

— У Жанны же есть дети.

— А я от тебя хочу внуков, а не от твоей сестры.

Мать мельком взглянула на сына и, отвернувшись, спросила:

— На могилке был?

— Да. Вчера.

— Уже пять лет, как Лены нет. Артём! Жизнь пройдёт — и не заметишь! Уже седые волосы появились.

— Мам, не начинай. Мне неприятен этот разговор.

— Ты же знаешь, что я хочу тебе только хорошего. Кстати, ты вещи Лены перебрал? Нужно освободить всё, место только занимают.

— Не могу я, мам, рука не поднимается.

— Давай я, в выходные зайду и переберу. Хорошие вещи можно отдать нуждающимся, что-то и выкинуть уже надо. И тебе легче станет.

Артём кивнул в знак согласия. Мать тоже облегчённо вздохнула.

Провожая её, уже у двери Артём приобнял мать.

За последние пять лет сын сильно похудел, появились первые седые волосы. И теперь перед матерью стоял высокий, тощий мальчишка, больше напоминающий нескладного подростка со взрослым лицом, чем мужчину.

Мать всё чаще заглядывала к сыну, приносила домашнюю еду, баловала стряпнёй и всячески оберегала. Внезапный уход жены буквально через месяц изменил сына до неузнаваемости. Некогда весёлый и энергичный мужчина, казалось, угасал день за днём.

Свой старый гардероб Артём отнёс к мусорным бакам не задумываясь, почти все вещи висели на нём, смотрелись несуразно, и только занимали место, а вот прикоснуться к вещам жены не смог. Что-то забрала сестра, но с её округлыми формами и высоким ростом выбрать было не из чего.

* * *

Наступила суббота, и мать пришла выполнить что обещала. Она распахнула дверцы платяного шкафа и, уперев руки в бока, долго стояла, разглядывая содержимое. Открыла второе отделение с полками и опять задумалась.

Потом обернулась и увидела Артёма, потерянно и обречённо смотревшего на происходящее.

Сердце матери бешено заколотилось, она быстро взяла пару домашних кофт и халатов и сложила в небольшой пакет.

— Так, это отнеси к мусорным бакам, повесь на боковушку.

Мать осознанно отправила сына, чтобы разобрать вещи без него. Артём обулся и открыл входную дверь.

— Ещё молока возьми в магазине, я блинчиков испеку тебе.

Артём вышел во двор и достал пачку сигарет. Прохладный осенний воздух забрался за ворот куртки и остановил мужчину. Артём поёжился и убрал пачку в карман. У мусорных баков он остановился и, вспомнив, что мать сказала не выбросить, а повесить пакет, так и сделал. До магазина было идти минут пять.

Возвращаясь домой, Артём остановился у подъезда, вновь достал пачку из кармана и стал искать зажигалку. Повернулся. У мусорных баков стояла женщина. Она раскрыла пакет, который оставил Артём, и принялась доставать из него вещи. Одну кофточку расправила и осмотрела.

Артёма внезапно одолел кашель, а в перерывах, когда отпускало, он стал жадно глотать воздух. Женщина же, услышав звуки позади себя, быстро свернула вещь и оглянулась, словно боясь, что её кто-то увидит, отошла от бака.

Когда Артём поднялся к себе, всё уже было сделано: в коридоре стояли пакеты и мешки. Мать улыбнулась и забрала у сына бутылку молока.

— Я договорилась с одной женщиной, она заберёт хорошие вещи, а те, что попроще, отправим в деревню, может, кому пригодятся.

Артём вновь кивнул в знак согласия.

* * *

Прошла неделя, а пакеты так и стояли в коридоре, словно не желая покидать квартиру. Артём обулся, сунул пачку сигарет в карман и пошёл во двор. Жена не